

«РУССКИЙ НАРОД» В ЛИТЕРАТУРЕ И ДОКУМЕНТАХ XIX ВЕКА: ОПЫТ ЯЗЫКОВОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ

А. Н. Саакян¹, О. И. Северская²

¹ Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
117485, Россия, Москва, ул. Волгина, 6
ORCID <http://orcid.org/0000-0002-5046-7894>

² Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, 18/2
ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6277-9756>
Поступила в редакцию 06.06.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-4

Представлено описание идеологемы «русский народ» и ее воплощения в текстах художественной и документальной литературы XIX века. При этом рассмотрены как само общественно-политическое понятие, так и закрепляющее его устойчивое словосочетание. Материал исследования собран на основе Национального корпуса русского языка. Тексты проанализированы корпусным, контент-аналитическим и когнитивным методами. Цель предпринятого исследования заключается в определении и характеристике такого объекта, как «русский народ». Обоснован вывод, что именно в XIX веке рассматриваемая номинация терминологизируется, а образ «русского народа» мифологизируется. Авторы заключают, что «русский народ» подразделяется на «простой народ» и «общество», которое ведет себя с народом по-отечески, принимая миссию его просвещения и освобождения. В смысловом поле концепта «русский народ» выделяются такие семантические компоненты, как «вера», «верность», «терпение», «терпимость», «понятливость», «восприимчивость», «открытость», «простодушие», «ювенильность» и др. Рассматриваются нравственные и интеллектуальные свойства «русского народа», в основе своей диалектичные и амбивалентные, которые в зависимости от точки зрения оцениваются с позиций «свой – чужой». Анализ показывает, что после отмены крепостного права в 1861 году образ «русского народа» под влиянием общественных процессов претерпевает значительные изменения.

Ключевые слова: русский народ, идеологема, тексты XIX века, корпусное исследование, языковая картина мира.

Подхалимов: ...Граф! какого вы мнения о русском народе?

Граф (постепенно утрачивает стыд): Различного.

М. Е. Салтыков-Щедрин. За рубежом

«Русский народ» – это и этнографическое, историческое и философское понятие, и устойчивое словосочетание, имеющее свою языковую историю и развитие в серии лексических трансформаций¹. Не-

© Саакян Л. Н., Северская О. И., 2020

¹ Трансформации начались уже в XX веке, в советское время, когда возник советский народ, определявшийся как «новая интернациональная общность», а также в постсоветское, с фиксацией в тексте Конституции РФ в редакции 1993 года термина многонациональный народ Российской Федерации и превращением русского народа в государствообразующий в новейшей редакции основного закона 2020 года.

смотря на то что о «русском народе» писали и пишут с начала российской государственности и до наших дней, особый интерес представляют документы и тексты художественной литературы XIX века: именно в это время словосочетание мифологизируется и одновременно терминологизируется, а после отмены в 1861 году крепостного права формируется новая аксиология связанных с ним стереотипных представлений. Заметим, что концепция *народа* и *народности* этого периода в последнее время неизменно оказывается в центре интереса исследователей (Агейкина, 2008; Мухина, 2015; Рымарь, 2012; Синявина, 2017 и др.).

Цель нашего исследования — определить референтную соотнесенность словосочетания *русский народ* и охарактеризовать именуемый им объект, опираясь на данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ)². Корпусный подход позволяет получить достаточно полную и статистически значимую выборку употреблений (Плунгян, 2008; Шилихина, 2014): в подкорпусе текстов, созданных в 1800–1900 годах, *русский народ* встречается 1750 раз в 503 документах (что составляет 25 % всех употреблений этой номинации за три с лишним века). Проведя контент-анализ контекстов, выявим набор чаще всего упоминаемых характеристик *русского народа*, которые складываются в соответствующий языковой стереотип, а также оппозиции, характеризующие структуру российского общества в XIX веке. Это поможет составить своего рода портрет «русского народа»: вслед за Т. В. Шмелевой (2010) мы предполагаем, что стратегия портретирования позволяет обрисовывать не только отдельные типажи, но и более широкие общности, а также исследовать и описывать соответствующие словесные объекты. На наш взгляд, так уточняются и когнитивные представления, поскольку восстанавливаются объем основного понятия и его семантическая структура.

1. Народ / нация

Контент НКРЯ показывает, что номинация *русский народ* в XIX веке встречается гораздо чаще, чем ее синоним *русская нация*, — на долю последней приходится лишь 49 употреблений в 22 документах. В некоторых случаях оба словосочетания приводятся через запятую, и абстрактная *нация* получает толкование через смежное, более конкретное понятие³: *нация русская, русский народ...* — например, в «Культурном идеале и племенной политике» К. Н. Леонтьева (1890), где говорится про «современное состояние *русской нации*», что «она, *наша нация*, еще *недостаточно национальна*». В большинстве текстов *русская нация* — это терминологическая абстракция, но имеют место и упоминания о присущих ей *наружных формах и физиономии* [М. Н. Загоскин (1830)], особом *психическом строе* [К. Н. Леонтьев (1891)], то есть *русской натуре*, ассоциирующейся, как и *русский нрав*, *русский характер*, *русский дух* именно с *народом*.

² Доступен по адресу: www.ruscorpota.ru. Приводимые далее текстовые иллюстрации получены из этого ресурса. Шрифтовые выделения во всех примерах наши.

³ Ср. у В. Н. Майкова (1846): *человечность находится в прямой противоположности с национальностью*.

В нескольких контекстах *русской нации* приписываются черты *народа*, при этом отмечаются прежде всего ее особые религиозные идеалы [К.Н. Леонтьев. Кто правее? (1890–1891)], *непоколебимая верность к престолу, привязанность к вере предков и любовь к родимой стороне* [М.Н. Загоскин. Рославлев (1830)]. Показывается *русская нация* и глазами иностранцев, которые либо видят плохое: *высокомерие, непостоянство, себялюбие и коварство русской нации, а равно и дурное обращение с иностранцами* [И.И. Янжул. Московский купец XVII в. (1896)], либо, иронизируя, выражают отрицательную оценку эвфемистически, маскируя ее похвалой:

В характере русской нации есть необыкновенно трогательная черта, поражающая в равной степени как знатного иностранца, так и любого английского сапожника или кучера. Ни перед какими обстоятельствами, как бы они, казалось, ни были затруднительны, русские не только не падают духом (подбадривая себя распространенной в России песней: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!»), но даже и не придают им того значения, какое придавал бы скоро унывающий европеец, и с какою-то восхитительной детской верою из года в год, изо дня в день надеются на покровительство Провидения, представляя главнейшим образом ему заботы о всех своих нуждах, начиная с самых простых и кончая сложнейшими [К.М. Станюкович. Письма знатного иностранца (1897)].

Указывается и на ответное желание *русских* произвести благоприятное впечатление: *для поддержания чести русской нации... задать пыль иностранцам* [Н.В. Гоголь. Избранные места из переписки с друзьями (1843–1847)].

Таким образом, вырисовывается оппозиция «русские vs. иностранцы», существенная для оценки образа *нации / народа*. Мы рассмотрим ее подробнее позже, пока же заметим, что в приведенных примерах слова в уста иностранца вкладывает русский автор, который, в свою очередь, считает подобное восприятие русских ложным.

Одновременно обозначается разделение *нации* ‘страны, государства’ и *нации* ‘национальности, народности, народа’⁴, имплицитное оппозицию «государство vs. народ».

2. Народ и власть

В текстах XIX века *русский народ* предстает как «вольный невольник», что ярко отражается в заметках историка пушкинской поры А.И. Тургенева о «русском орле», который «расширял крылья свои, — поднимался вверх клетки, но... удержан был железною силою в полете своем»: «...я думал о русском народе и его *порывах к солнцу*, но *клетка его хотя и обширная — все клетка и символ неволи*» [А.И. Тургенев. Дневники (1825–1826)]. Смысловая оппозиция «воля vs. неволя», актуализированная в этом отрывке, однако не двумерна, так как понятие

⁴ Здесь и далее мы даем свои определения значений слов-концептов, основываясь на их толкованиях в авторитетных академических словарях, доступных на ресурсах «Грамота.ру — русский язык для всех» (www.gramota.ru) и «Словари.ру» (www.slovari.ru).

«воля» многозначно: это прежде всего (что закреплено в словарях) способность управлять своими действиями, сознательное стремление к чему-либо, желание и возможность действовать по своему усмотрению и в соответствии со своими желаниями, а вследствие этого — и независимость, возможность располагать собою; а «неволя» как минимум амбивалентна — как положение зависимости и одновременно, в народно-разговорном прочтении, сила и власть обстоятельств, необходимость.

Желательность подчинения власти, сознательный поиск зависимости от нее подчеркивается не раз: «...русский народ с самого первого времени *стремился найти себе центральную власть*» [И. Е. Забелин. Записные книжки (1856)]; «...русский народ всегда... *легко покорялся всякому требованию*» [П. В. Анненков. Литературные воспоминания (1882)]; «...русский народ есть *сирота, опять нуждающаяся в Рюрике, Свинеусе и проч.*» [П. В. Анненков. Письмо И. С. Тургеневу (1883)], как и неспособность народа самому позаботиться о своем счастье: «*Все великое и прочное в жизни русского народа было сделано почти искусственно и более или менее принудительно, по почину правительства*» [К. Н. Леонтьев. Записка... (1881)]. Во второй половине XIX века представления о русском народе, несущем ярмо тиранической власти, усиливаются, особенно ярко это проявляется в «Листках» «Народной воли» (1880): «Не знаем, долго ли *царское правительство будет с успехом дурачить русский народ*»; «*Рассматривая русский народ как податную силу, подлежащую самой грубой эксплуатации*, русское правительство с неменьшим презрением относится и к высшим потребностям того общества, к поддержке которого оно в последнее время лицемерно взывало»; и в публикациях «Рабочей правды» (1880): «*Силой царь держит русский народ в нищете да невежестве*».

Вместе с тем встречаются и прямо противоположные суждения: «Русский народ способен к *республиканской жизни*. *Правительство* в его понятиях *не есть потребность, а случайность*» [Л. Н. Толстой. Записные книжки (1853—1857)], как и дискуссионные: «*Может ли кто сказать, что русский народ есть только косная масса, осужденная лишь служить экономически преуспеванию и развитию европейской интеллигенции нашей... сама же в себе заключает лишь мертвую косность, от которой ничего и не следует ожидать и на которую совсем нечего возлагать никаких надежд?*» [Ф. М. Достоевский. Дневник писателя (1880)]; «*Рабство и холопство — это скрывать нечего — составляют главную черту, или, как другие говорят, главную мудрость русского народа*» [А. Ф. Писемский. В водвороте (1871)], ср.: «...он согласен служить — но *хочет гордиться своим рабством*» [М. Ю. Лермонтов. Вадим (1833—1834)]; «*Что до рабских свойств русского народа, то какой же он раб?*!» [В. Л. Кигн-Дедлов. Переселенцы и новые места (1894)].

В конце XIX века в русском народе уже видят «*непочатые силы, источники жизни*» [З. Н. Гишпиус. Победители (1898)], «*могучий, исторический народ, создавший великое государство*, взрастивший и воспитавший в себе ту “душу живую”, которая, лишь только касался ее свет свободы и духовного развития, являла миру высокие образцы ума, таланта, самоотречения и подвига» [Н. Н. Златовратский. Левитов (1895)].

Это соответствует развитию представлений о «воле vs. неволе» *русского народа* от патриархальных, в соответствии с которыми «русский народ достоин похвалы, а не хулы за **приверженность к тому, которого почитал государем законным**» [Ф. М. Булгарин. Димитрий Самозванец (1830)], до предреволюционных, закрепленных в «Конституции» Н. М. Муравьева: «Русской народ, *свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства*» (1821 — 1825), и множущихся после отмены в 1861 году крепостного права, когда *народу* начали навязывать его новую «волю».

Важно отметить, что народное «вольное невольничество» и нежелание сбрасывать с себя «ярмо власти» находило в то же время простое объяснение: «**Долготерпение и смирение русского народа** выражались и выражаются отчасти **в охотном повиновении властям, иногда несправедливым и жестоким, как всякие земные власти, отчасти в преданности учению Церкви, ее установлениям и обрядам**» [К. Н. Леонтьев. О всемирной любви (1880)]. «Вера» и «верность» (как отечеству, так и коронованной церковью на царство властям⁵) в XIX веке, как показывает НКРЯ, являются едва ли не главными, системообразующими чертами *русского народа*.

3. Вера и верность

Верность русского народа — церкви, царю, отечеству, семейным устоям — в жизни была, как и в русском языке, производной от *веры*. Например, «**верность** и любовь к отечеству **православного русского народа**» представлены как неразрывное целое Ф. В. Ростопчиным на одной из афиш 1812 года, а И. Н. Скобелев в «Рассказах русского инвалида» (1838—1844) замечает: «**Служба есть величественнейший и священнейший храм веры, чести и славы русского народа**». В. А. Жуковский связывает *веру* и *власть*: «...святая любовь русского народа, глубокая **религия**, перешедшая к нему по преданию от предков, **религия**, врезанная ему в душу его судьбою, воспитанная в нем и светлыми и темными временами его жизни, нечто такое, чего никакая власть произвести не может, **есть драгоценнейшее сокровище русского самодержца, твердейшая опора самодержавия**» [В. А. Жуковский. Пожар Зимнего дворца (1838)]; «...русский народ, в котором никакой произвол мятежного умствования не поколебал **веры в непреложность церкви, остался равномерно верен и власти державной, проповедуемой церковью**» [В. А. Жуковский. О стихотворении «Святая Русь» (1847—1850)]. Представление о том, что «*русский народ... свято чтит предания, он — патриархальный, он не может жить без веры*» сохранилось и после 1861 года [И. С. Тургенев. Отцы и дети (1862)].

Достаточно много в рассмотренном нами материале утверждений непреложности веры, православия и христианства — на всем протяжении анализируемого периода: «**Святая Русь** есть отдельная, наслед-

⁵ На «врожденную царелюбивость, то святое патриархальное чувство, которым иконы сильна наша Русь», указывает, например, И. П. Липранди в заметках о книге «Восшествие на престол Императора Николая I» (1857).

ственная *собственность русского народа, упроченная ему Богом*» [В. А. Жуковский. О стихотворении «Святая Русь» (1847–1850)]; «...русский народ *весь в православии и в идее его*» [Ф. М. Достоевский. Из записных книжек (1881)]; «...никогда русский народ *не изменит православию*» [М. Н. Волконский. Мальтийская цепь (1891)].

Отмечается *набожность*, которая проявляется «*сильно развитым в русском народе чувством необходимости быть на праздник во храме божием и... забытья от тревожений жизни в успокоительном голосе церкви*» [И. Т. Кокорев. Сибирка. Мещанские очерки (1847)], а также то, что «русский народ, будучи *в делах веры сильно привержен к букве и обряду*, сохраняет твердое убеждение, что *молитва ли церковная, заговор ли знахарской действуют лишь тогда, если в них не опущено и не изменено ни единого слова и если все прочтено или пропето на известный лад истари установленным напевом*» [П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Кн. 2 (1871–1874)], то есть о *вере и набожности* говорится как о «скрепах» поколений и народа в целом.

Однако *истовая вера* предстает не только как *истинная, настоящая*. Для некоторых она граничит с фанатизмом: «...русский народ вообще *набожен; но его набожность дурно направлена*» [А. О. Корнилович. Записки из Алексеевского равелина (1828–1832)], ср.: «...русский народ *склонен к религиозному фанатизму*» [М. А. Бакунин. Исповедь (1851)]. Однако чаще обращают внимание не только на «фанатичную», то есть страстно-преданную *верность* своей *вере*, но и на такое национальное качество, как *веротерпимость*: «*Что же касается до религиозного фанатизма, то... беспрекословное принятие христианской веры при Владимире Святом есть явление столько же естественное в русском народе, сколько неестественны были бы у нас события, подобные крестовым походам, борьбе римских первосвященников с светскими властителями или ужасам реформации*» [В. Н. Майков. Краткое начертание истории русской литературы (1846)]; «*Не должно думать, чтобы православная вера или дух русского народа требовали преследования чужих вер или чужих народностей*» [И. В. Киреевский. Записка об отношении русского народа к царской власти (1855)].

Церковь признается и символом духовного богатства: «...*церкви — благородная роскошь* русского народа» [В. А. Соллогуб. Аптекарьша (1841)], и национальным символом: «*Кто любит русский народ — не может не любить церкви*. Потому что *народ и его церковь — одно. И только у русских это одно*» [В. В. Розанов. Уединенное (1900–1911)]⁶. А русский народ в XIX веке получает «*титул*» *народ-богоносец* [Ф. М. Достоевский (1871); К. Н. Леонтьев (1871)]. Интересно, что именно в этом ключе упоминается и *народ-воин*⁷: в образах *христолюбивого воинства* [Ф. В. Рос-

⁶ Розанову вторит современный американский историк Грегори Фриз: «Понять церковь — значит понять народ» (Фриз, 2016, с. 242).

⁷ Заметим, что это именно *воин*, а не *победитель*: идеологема *народ-победитель* в текстах XIX века не отмечена, первые ее употребления в НКРЯ относятся к временам Гражданской войны и с наибольшей частотой встречаются уже в советское время; а начиная с конца XVIII века в документах и художественной литературе фигурирует *царь-победитель*.

топчин (1812)], *народа*, который «как один человек, *хочет, чтоб великая цель войны за христианство была достигнута*» [Ф. М. Достоевский (1877)]. И воюет *русский народ за веру* (свою и предков) и *верность* родной земле⁸.

4. Нравственные черты русского народа

Довольно часто в текстах XIX века встречается коллокация *добрый русский народ*: в большинстве случаев она употребляется как речевой штамп, где *добрый* значит скорее «близкий, преданный» (ср. *добрый друг*) или же «производящий хорошее внешнее впечатление» (ср. *добрый молодец, добрый человек*), а не «творящий добро, добродетельный». Но есть и примеры употребления эпитета *добрый* в значении «исполненный доброты», что особо подчеркивается указанием на буквальность смысла: «А ведь русский народ *именно добрый народ!*» [М. Е. Салтыков-Щедрин. Наш дружеский хлам (1858–1862)], либо упоминанием *доброты* как одного из положительных качеств: «Он расхваливал... *добрый, способный русский народ*» [К. М. Станюкович. Истинно русский человек (1890)]; «Народ, народ! Наш *умный, добрый русский народ!*» [Л. А. Авилова. На чужбину (1897)].

Народ характеризуется как *добрый, добродушный, великодушный, душевный, сердечный, человеколюбивый и сострадательный, гостеприимный*, и это подается как его отличительная черта и национальный стереотип: «Эта *душевность и сердечность* есть как бы отличительное свойство, присущее лишь русскому народу, и нигде в мире, *ни у одной нации нет столько чувствительности, столько сердечной теплоты, как в русском человеке*» [Н. Э. Гейнце. Самозванец (1898)]. Открытость, впрочем, делает русский народ и *простодушным, легковерным*, то есть практикуется им во вред самому себе.

Другие оцениваемые положительно стереотипные черты: *самоотверженность; смиренность, покорность, терпение, благочестие*, а также *невозмутимая терпимость, всепримиряемость, незлопамятность*.

Народ обычно *спокоен, сдержан*. Довольствуется малым, *непритязателен*, в том числе и потому, что не любит лишних движений: «Вообще сказать можно, что *русский народ неохотно перестраивает дом свой, пока в нем можно переночевать, хотя с опасностью*» [И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни... (1799–1806)]; отдается должное и «известному свойству русского народа *искать работы только до тех пор, покуда она необходима для его пропитания*» [И. В. Киреевский. Письма А. И. Кошелеву (1851)]. При этом «*русский народ приводил в изумление иностранцев своею терпеливостью, твердостью, равно-*

⁸ Именно с землей связан второй, мирный «титул»: *народ-земледелец* [А. Н. Энгельгардт (1880)], интересны упоминания о преимущественно растительной пище русского народа [А. Н. Радищев. Описание моего владения (1800–1801); Ф. Ф. Эрисман. Общественная гигиена (1871–1908)], подтверждающие это представление, а также об отрицании народом поземельной собственности [Л. Н. Толстой (1861)], то есть предпочтении им статуса *земледельца*, а не *земле-владельца*.

душием ко всяким лишениям удобств жизни, тяжелым для европейца, умеренно трудолюбивого, умеренно терпеливого и знакомого с правильным и расчетливым комфортом» [Н. И. Костомаров. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях (1860)].

Русский народ характеризуется также как *стойкий, упрямый*. Отмечаются его *смелость и удаль и отвага рвануться на дело добра*, а также *удальство, разгульность, неукротимость минутных желаний*, служащих продолжением *смелости, удалы, отваги* – качеств, которые можно отнести к достоинствам.

Что касается нрава, эмоционального профиля, то часто упоминаются *беспечность, веселость, врожденная насмешливость, запальчивость, мастерство биться на кулачки*.

Интересны свидетельства проявления духа народа в искусстве, в литературе и особенно в языке. Так, *русский народ*, как следует из письменных свидетельств XIX века, *любит изъясняться резкими выражениями*; «*врожденная насмешливость* русского народа избрела *множество забавных поговорок, метких выражений, прибауток и шуточек*» [А. В. Дружинин. Письма иногороднего подписчика о русской журналистике (1849)]; «...русский народ *на прозвища мастеров*» [И. С. Тургенев. Певцы (1850)]; воплощает в языке свое чувство юмора: «Надписи на столбе подчас трогательные, но не имеют, однако, безотрадности надписи над Дантовым адом: “Оставь надежды навсегда”. Напротив, *юмор* русского народа *выразился и в этих, иногда своеобразных надписях*: “Поминай как звали”. “Кланяйся в Нерчинске товарищам”. “Ищи ветра в поле”» [К. М. Станюкович. В далекие края (1886)]; а еще народ любит приукрашивать словами действительность: «*Общая привычка русского народа: он любит называть речками не только едва заметные ручьи, но даже стоячие, грязные пруды*, – и крестьянка, отправляясь мыть белье на свою запруженную лужу, всегда скажет: “Я иду на речку”» [М. Н. Загоскин. Москва и москвичи (1842–1850)].

Среди отрицательных национальных качеств упоминается только одно – *пьянство*: «...русский народ – *пьяница*» [Н. А. Добролюбов (1859)]; «русский народ издавна *славился любовью к попойкам*» [Н. И. Костомаров (1860)]; ср.: «Над русским народом стоят *две вещи вместо фельдгегера – водка и мамон*» [Ф. М. Достоевский. Из записных тетрадей (1876)]; «Подлинно добродетельным он едва ли может сделаться, ибо *чересчур пристрастен к спиртным напиткам*» [М. Е. Салтыков-Щедрин. За рубежом (1880–1881)]. Но при этом однозначного осуждения *пьянства* мы не нашли, над ним лишь подсмеиваются: «Везде в русском народе *к пьяному чувствуется некоторая симпатия; в острее же к загулявшему даже делались почтительны*» [Ф. М. Достоевский. Записки из Мертвого дома (1862)]; «*Я русский народ люблю, – охорашиваясь, сказал Гундриков и отпил немного наливки*» [А. И. Эртель. Записки Степняка (1883)].

Широта натуры в русском народе сочетается с противоречивостью. Противоречий отмечается довольно много: *свободный, независимый*, русский народ одновременно *покорный*; или, например, в народе видят,

«с одной стороны, его *привязанность к покою, его невозмутимую терпимость*, с другой — его же *склонность к удалству* и его же *раздражительность*» [В. Н. Майков (1846)]; замечают, что сосуществуют «*русская беспечность и русский толк... по временам необычайная деятельность и подчас непреодолимая лень*» [М. Н. Загоскин (1842)]. В одном и том же качестве видится диалектическая противоположность — например, *самоуверенность в уверенности в себе*: «Таков уж русский народ: он так **уверен в своей силе** и всякий *неуспех приписывает или фатализму, или измене*» [И. И. Лажечников. Новобранец (1858)]. Качества меняются и при назывании вещей (не) своими именами: «Так, например, *произвол* хотели присвоить русскому человеку как особенное, естественное качество его природы — *под названием "широты натуры"*; *плутовство и хитрость* тоже хотели узаконить в русском народе *под названием сметливости и лукавства*» [Н. А. Добролюбов. Луч света в темном царстве (1860)], — о точке зрения на образ и нравственные качества народа подробнее скажем отдельно.

5. Ум и «когнитивные способности»

Говоря о *самобытности, оригинальности и талантах* русского народа: «Русский народ *способен ко всему великому и одарен необыкновенными качествами*» [Ф. В. Булгарин. Воспоминания (1846—1849)], мыслители и писатели XIX века, как правило, отмечают и его *восприимчивость* ко всему новому, как сейчас сказали бы — «обучаемость»: «*способность русского народа все перенять и все делать*» [В. А. Соллогуб. Тарангас (1845)], ср.: «Русский народ *переимчив*» [Ф. Ф. Вигель. Записки (1850—1860)]; а также интуитивное постижение чужой культуры: «Вот я за это люблю русский народ: *по-латыни не знает, а dona ferentes боится*» [В. А. Слепцов. Трудное время (1865)]. И при этом порой указывают кто — на превосходство русских: «*По природному здравому смыслу, или разуму <...> нет ни одного народа, который бы стоял выше русского. Эти свойства души русского народа признает весь свет*» [Г. И. Успенский. Волей-неволей (1884)], кто — на их отставание от «цивилизации»: «...русский народ был *груб и невежествен сравнительно с Европою...*» [Ф. И. Буслаев. Русские духовные стихи (1861)].

Отмечаются прежде всего «*ум и решительность*» [А. С. Грибоедов. Desiderata (1824—1825)], «*ум, сметливость*, которыми всегда отличался русский народ от своих северных и западных соседей» (М. Н. Загоскин. Брынский лес. 1846). Вопреки расхожему мнению, что «мы ленивы и не любопытны» [А. С. Пушкин. Путешествие в Арзрум (1836)], утверждается: «Русский народ *любопытен и понятлив*» [И. Н. Скобелев. Рассказы русского инвалида (1838—1844)]. Идеал — это народная «*чудная понятливость, возвышенная умозрительными науками*» [В. Ф. Одоевский. Психологические заметки (1843)]; науке и обучению народа отводится особая роль: «Русский народ — *смышленный, понятливый народ, но без просвещения Россия застынет и уйдет назад*» [Н. В. Шелгунов. Люди... (1869)], однако невежество народа и его неспособность к самообучению к концу

XIX века все чаще отрицается: «*есть много грамотных мужиков, да и скоро русский народ поголовно будет грамотен, несмотря на то, что у него нет учителей*» [А. Я. Панаева. Воспоминания (1889–1890)].

Противопоставляются ум и умствование, то есть отвлеченные, праздные рассуждения: «*Наш русский народ, кажется по преимуществу практик, по преимуществу не способен к умозерцаниям и платонизму всякого рода*» [Е. Л. Марков. Очерки Крыма (1872)]. Однако к «неотвлеченным» раздумьям и размышлениям народ вполне склонен: «*Многое разное значит у русского народа почесывание в затылке*» [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)], и это противоречит расхожему, поданному в ироничном ключе представлению: «*...русский народ, как известно всему свету, необразованный, непросвещенный, так и рад случаю придраться, голову почесать, бороду потрясти, зубы посколоть...*» [В. И. Даль. Сказка о Шемякинском суде... (1857)].

Забавно, что в народном сознании, как показывают материалы НКРЯ, с рассуждениями уравниваются пересуды — всякого рода слухи, толки, из которых узнается что-то новое: «*О смертной охоте русского народа к новостям можно судить по сплетням, которые повсеместно подвизаются, а в матушке белокаменной Москве, можно сказать, свирепствуют!*» [И. Н. Скобелев. Рассказы русского инвалида (1838–1844)], или нечто, что позволяет вывести некоторые жизненные закономерности и сориентироваться в существующем положении дел: «*Жить без критики, без обсуждения дел своих и чужих — значит прозябать подобно растению, жить очертя голову, как говорит русский народ*» [В. Н. Майков. Статьи (1845)].

Рассудительность, осмотрительность, обдуманность действий и поступков расцениваются как залог общественного прогресса: «*Благоразумие русского народа доказано всею его историею*» [А. И. Кошелев. Записки (1884)].

Скажем и о таком качестве русского народа, как ювенильность. С одной стороны, подчеркиваются простодушие, наивность народа, которые могут трактоваться как ювенильность психологическая — незрелость мышления, инфантильность, и народ действительно предстает как «растущий организм»: «*Мы еще юноши*» [В. Ф. Одоевский. Психологические заметки (1843)]; «*Конечно, из русского народа не сформировался еще полный человеческий тип, но все-таки нельзя же отвергнуть того, что он формируется хоть понемножку, хоть незаметно, а формируется...*» [Н. А. Добролюбов. «Слухи» (1855)]; «*Герой и дитя — вот определение русского народа*» [Н. Э. Гейнце. Самозванец (1898)]. С другой, постоянно говорится о молодости народа, например: «*Мы, русские — народ молодой; мы только что начинаем жить, хотя и прожили уже тысячу лет; но большому кораблю большое и плавание*» [Ф. М. Достоевский. Дневник писателя (1876)], и эта ассоциация с молодостью, порой расцвета, бурлением жизненных сил (ср. у А. Ф. Писемского [В водовороте (1871)]: «...есть же в русском народе настоящая, живая сила», или у З. Н. Гиппиус [Победители (1898)]: «В русском народе — непочатые силы, источники жизни») возникает именно в момент освобождения народа от крепостной зависимости и становится устойчивой в последней трети XIX века.

6. Образ *русского народа* в зависимости от точки зрения: «свое vs. чужое»

Исследованный материал показал, что в XIX веке взгляд на народ менялся в зависимости от точки зрения. Как правило, «изнутри» видятся лишь положительные черты, либо, как уже было сказано, улавливается диалектика качеств, при которой образ перестает быть идеальным и схематичным. Отрицательные характеристики подаются в модусе самоиронии или же самокритики: не случайно В. С. Соловьев, вслед за Ф. М. Достоевским, отмечает в русском народе «*сознание своей греховности, неспособность возводить свое несовершенство в закон и право и успокаиваться на нем*» [В. С. Соловьев. Три речи в память Достоевского (1881—1883)], ср.: «...а я скажу, что *русский народ, может быть, и чудный народ, но прежде всего ему нужно искренне и с сокрушением покаяться, что он дрянной народ*» [В. Л. Кинг-Дедлов. Переселенцы в новые места (1894)].

«Серьезных» негативных описаний *русского народа* «своими» почти нет — мы нашли лишь два примера, в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского (1862), где «было несколько *робких личностей из русских, народу всегда молчаливого и забитого*», и в «Главах из воспоминаний» М. А. Дмитриева (1864), у которого «русский народ *жаден и не способен ни к спокойному наслаждению, ни к порядку; удовольствие для него всегда сопровождается буйством*». Заметим, что они появляются уже после 1861 года, а ближе к концу XIX века эта тенденция усиливается — не без цели приблизить революционную ситуацию, — в частности, в публикациях «Рабочей газеты», в которых *русский народ «голоден, беден, темен»* и «*питается милостями, падающими с пышного пиршеского стола самодержца и его прихлебателей*»: «Привык русский народ к этим царским подачкам, и в голову ему не приходит, что он не пес царский, а самовластный господин своей земли, своего имущества, своей воли, и имеет право не ждать милости, как даяния, а требовать своих прав» (1881).

В первой же половине XIX века «ужасный лик» *русский народ* являл лишь иностранцам, «чужим», которые «считают русских народом *бедным и едва ли что имеющим*» [В. М. Головин. Путешествие вокруг света (1822)], для которых он «*флегматичного темперамента... тупой разумением, вялый волею, ленивый, не любящий ничего, кроме покоя, — до того, что даже руки не поднимет вытащить мухи из рюмки водки, а глотает водку прямо с мухой; <...> есть и доброта у русских, но это больше от лени*» [Дневники св. Николая Японского (1895)], или же имеет, напротив, «*зверинный образ*», но процитированные или пересказанные мнения тут же опровергаются. Либо видимые недостатки обращались в достоинства: «*Пусть много недостатков иноземцы находят в русском народе, но им нельзя не согласиться, что есть нечто великое даже в его недостатках; например, мы любим бесполезное, тогда как другие корпят над расчетами пользы; мы метим кинуть тысячи для минуты, прожить жизнь в один день — это дурно в меркантильном отношении, но показывает нашу поэтическую организацию*» [В. Ф. Одоевский. Психологические заметки (1843)].

Впрочем, и *русский народ* не жаловал иноземцев — чего стоит некорректное утверждение: «...наш *русский народ не тупоумный, кропотливый немец, не легкомысленный француз, не торгош-кулак англичанин!*» [Н. Э. Гейнце (1898)]; кроме того, «*русский народ* всегда *глядел на них ко-со, вследствие преимуществ, доставляемых им званием иностранца*, и обвинял их в том, что они отнимают у него барыши от торговли и работы» [И. И. Ореус. Записки (1889)], и, смотрясь «невежественно» в сравнении с просвещенным народом Европы, «*русский народ* вовсе не так *был неприязнен* к знакомству со знаниями, как *к чужеземным приемам жизни, которые ему навязывали насильно*» [Н. И. Костомаров. Русская история... (1865—1872)].

Как можно заметить, оппозиция «свои vs. чужие» была релевантна на протяжении всего рассматриваемого периода, но в первой половине XIX века затрагивала межнациональные отношения и стереотипы, а во второй характеризовала уже поляризацию самого российского общества.

7. Народ и общественное устройство

Кроме отношений *народа* и (*царской*) *власти, правительства, государства* для понимания существовавших в России XIX века социальных оппозиций важно рассмотреть и соотношение *народа* и *общества*.

С одной стороны, *общество* было частью *русского народа*, о чем говорит формулировка «русское *общество* и даже *весь русский народ*» [М. М. Филиппов (1894)], с другой — *общество* относилось к *народу* по-отечески, ему вменялось вызволить *народ* из оков «дурачащего» его царизма, заняв активную позицию в классовой борьбе, ср. вопрос: «Но *русское общество, чем оно себя заявило?*» [Народная воля. 1880. №4], а также просвещать *народ*, открывая ему глаза на его положение: «за дело *обновления русского народа наукой и знанием* должно взяться само *общество*» [Г. И. Успенский (1889)].

Как видно, под *обществом* понимается и национальная общность в границах российского государства, и, в большинстве случаев, узкий круг родовитых, влиятельных и просвещенных людей, а также «интеллигенция». Интересно, что лучшие умы не отделяли себя от *народа*, ср.: «Я жил и живу *между русским народом*, не отделяясь от него никогда» [И. И. Горбачевский. Письмо М. А. Бестужеву (1861)]; «*Простой трудовой народ вокруг меня был русский народ*, и я обратился к нему и к тому смыслу, который он придает жизни» [Л. Н. Толстой. Исповедь (1882)], но все же мыслили себя не *внутри*, а *в окружении* так называемого *простого народа*.

В словарном значении *простой народ* — это непривилегированное, низкого происхождения и звания сословие, то есть *простонародье*. Объем соответствующего понятия в XIX веке, судя по данным НКРЯ, был большим. В него включались: *трудовой народ* [Л. Н. Толстой (1882)], *полуобразованные сословия и многочисленный класс чиновников низшего и среднего разряда* [М. А. Корф (1852)]; кроме того, *простой народ* подразделялся не только на *простолюдинов*, но и на *простых* и «не-простых» *людей из дворянства* [К. Н. Леонтьев (1891)], в начале века в *простом народе* можно

было различить и образованных молодых людей, не испорченных еще искательностью и светскими приличиями [Ф.В. Булгарин (1830)], в двух последних случаях *простота* — синоним безыскусности, открытости, прямоты. Иными словами, в первой половине века заметнее проявлялось представление о *русском народе*, стремящемся к *единству*, *единению* до состояния «как один человек» в общественной жизни, во второй — идея *единения* созвучна лишь *патриотизму*, направленному вовне.

Для общества же *русский народ* на протяжении века представляется загадочным [И.В. Киреевский (1827); М.Е. Салтыков-Щедрин (1856)], он *обманывает все расчеты* [В.П. Мещерский (1897)], но от него ждут диалога: «А ты, *неведомый нам, но любимый* нами всем нашим существом, всею кровью нашего сердца, *русский народ, прими нас* — не слишком безучастно — и *научи нас, чего мы должны ждать от тебя?*» [И.С. Тургенев. *Новь* (1877)]. А *простой народ*, говоря словами А.С. Пушкина, «безмолвствует» и при этом «интеллигенцию» *не любит* [К.Н. Леонтьев (1880)].

Проведенный анализ показывает, что черты, приписываемые *русскому народу* в документальных и художественных произведениях XIX века, формируют систему, закреплённую и в языковой картине мира. Так, объем понятий, стоящих за коллокациями *добрый народ* и *простой народ*, определяется языковой многозначностью используемых эпитетов; фундаментальными характеристиками *русского народа* становятся *вера* и *верность*, *благочестие* и *честь*, *терпимость* и *терпение*, *общность* в *обществе*, соотносимые с одним языковым корнем; многие амбивалентные качества также связаны на языковом уровне: *удаль* / *удальство*, *ум* / *умствование*, *рассудительность* / склонность к *пересудам*, *понятливость* / *понятность* и т.д. Отмеченные нравственные и интеллектуальные качества *народа* складываются в многомерный, диалектически сложный образ, который, благодаря своей внутренней подвижности оценивается то положительно, то отрицательно — в зависимости от точки зрения, с позиции «своих» или «чужих». После отмены крепостного права в 1861 году наблюдается резкая поляризация в структуре *русского народа*, в чем можно видеть отражение общественных процессов, приближающих революционную ситуацию.

Список литературы

Агейкина И.Н. Идеологемы «народ» и «народность» в русской публицистике XIX в. // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2008. № 11. С. 228—235.

Мухина Г.А. Русские критики XIX в. о русской идентичности // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2015. № 2. С. 92—110.

Плунгин В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2. С. 7—20.

Рымарь С.В. Русская народность // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 33. Политические науки. Востоковедение. Вып. 13. С. 19—26.

Синявина Н.В. История как предмет рефлексии русского общества первой половины XIX в. // Культура и образование : науч.-инф. журнал вузов культуры и искусств. 2017. № 2. С. 31—38.

Фриз Г. «Понять церковь – значит понять народ...» (интервью) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 242 – 250.

Шилихина К. М. Использование корпусов в исследованиях дискурса // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. С. 21 – 26.

Шмелева Т. В. Портретирование как стратегия лингвистического исследования // Записки филиала РГГУ в г. Великий Новгород. Вып. 8. Историко-культурный и экономический потенциал России: наследие и современность : матер. междунар. науч.-практ. конф. Великий Новгород, 2010. С. 193 – 197.

Об авторах

Левон Николаевич Саакян, кандидат филологических наук, доцент, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Россия.

E-mail: sahalev@mail.ru

Ольга Игоревна Северская, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Россия.

E-mail: oseverskaya@yandex.ru

Для цитирования:

Саакян Л. Н., Северская О. И. Русский народ» в литературе и документах XIX века: опыт языкового портретирования // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, № 3. С. 57 – 71. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-4.

“RUSSIAN PEOPLE” IN THE LITERATURE AND DOCUMENTS OF THE 19th CENTURY: AN EXPERIENCE OF LINGUISTIC PORTRAITURE

L. N. Sahakyan¹, O. I. Severskaya²

¹ Pushkin State Institute of the Russian Language
6 Volgina St., Moscow, 117485, Russia

ORCID <http://orcid.org/0000-0002-5046-7894>

² Vinogradov Russian Language Institute, RAS

18/2 Volkhonka St., Moscow, 119019, Russia

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6277-9756>

Submitted on 6 June, 2020

doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-4

The article describes the ideologeme “Russian people” and its use in the texts of fiction and documentary literature of the 19th century. The authors explored both the socio-political concept “Russian people” and its verbalization in Russian. The research material included examples from the Russian National Corpus, which were analysed using corpus, content-analytical and cognitive methods. This research aims to identify and to characterise the concept “Russian people”. The authors argue that it was in the 19th century that the concept “Russian people” evolved into a term and the image of Russian people was mythologized. The authors concluded that the concept “Russian people” is composed of two parts – ‘ordinary people’ and ‘society’. The latter behaves in a fatherly way, taking upon itself the mission of enlightenment of ordinary people and their liberation. In the semantic field “Russian people” there are numerous semantic components directly related to the concept analysed: faith, faithfulness, patience, tolerance, understanding, receptivity, openness, simple-mindedness, juvenility, etc. The authors consider the moral and intellectual qualities of Russian people, which are dialectical and ambivalent. The authors explore these characteristics of Russian people

from the standpoint of the dichotomy own vs. alien. The analysis shows that after the abolition of serfdom in 1861, the image of Russian people undergoes significant changes under the influence of social processes.

Keywords: Russian people, ideologeme, texts of the 19th century, corpus research, linguistic world view.

References

Ageykina, I.N., 2008. Ideologemes “people” and “nationality” in Russian journalism of the XIX century. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedeniye. Yazykoznaniiye. Kul'turologiya* [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Literary Studies. Linguistics. Culturology], 11, pp. 228–235 (in Russ.).

Mukhina, G.A., 2015. Russian critics of the 19th century about Russian identity. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Istoricheskiye nauki”* [Bulletin of the Omsk University. Series “Historical Sciences”], 2 (6), pp. 92–110 (in Russ.).

Plungyan, V.A., 2008. Corpus as a tool and as an ideology: on some lessons of modern corpus linguistics. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2 (16), pp. 7–20 (in Russ.).

Rymar', S.V., 2012. Russian nationality. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 33 (287), pp. 19–26 (in Russ.).

Sinyavina, N.V., 2017. History as a subject of reflection of Russian society in the first half of the 19th century. *Kul'tura i obrazovaniye: nauchno-informatsionnyy zhurnal vuzov kul'tury i iskusstvo* [Culture and education: scientific and information journal of universities of culture and arts], 2 (25), pp. 31–38 (in Russ.).

Freeze, G., 2016. “To understand the Church means to understand people...” (Interview). *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad], 34 (4), pp. 242–250 (in Russ.).

Shilikhina, K.M., 2014. The use of corpus in the study of discourse. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 3, pp. 21–26 (in Russ.).

Shmeleva, T.V., 2010. Portraits as a strategy of linguistic research. *Zapiski Filiala RGGU v g. Velikiy Novgorod. Vol. 8: Istoriko-kul'turnyy i ekonomicheskiy potentsial Rossii: naslediyе i sovremennost': Materialy mezhdunarodnoy nauchnoprakticheskoy konferentsii* [Notes of the Branch of the Russian State Humanitarian University in Veliky Novgorod. Vol. 8: The historical, cultural and economic potential of Russia: heritage and modernity: Materials of an international scientific and practical conference]. Velikiy Novgorod, pp. 193–197 (in Russ.).

The authors

Dr Levon N. Sahakyan, Associate Professor, Pushkin State Russian Language Institute, Russia.

E-mail: sahalev@mail.ru

Dr Olga I. Severskaya, Leading Researcher, Vinogradov Russian Language Institute, RAS, Russia.

E-mail: oseverskaya@yandex.ru

To cite this article:

Sahakyan, L.N., Severskaya, O.I. 2020, “Russian people” in the literature and documents of the 19th century: an experience of linguistic portraiture, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 3, p. 57–71. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-4.